DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.066

УДК 902 + 910.4(477.75)(09) +
+ 908(477.75)

Н. И. Храпунов

1) Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»

2) Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского

Симферополь, Россия

Н. В. Гинькут

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»

Севастополь, Россия

ПРОШЛОЕ КРЫМА В ВОСПРИЯТИИ БРИТАНСКОГО МИССИОНЕРА ЭБЕНЕЗЕРА ХЕНДЕРСОНА*

В статье анализируются представления о прошлом Крыма, существовавшие в общественном сознании первой четверти XIX в., на примере сочинения знаменитого британского библииста и путешественника Эбенезера Хендерсона (1784–1858). Хендерсон был сотрудником Российского библейского общества, целью которого было распространение Священного Писания среди жителей империи. Деятельность Общества пользовалась покровительством Александра I, который, вероятно, рассчитывал использовать результаты работы библиистов для облегчения интеграции «иностранцев» в свою империю. В 1820 г. Хендерсон принимал участие в инспекционной поездке по русским провинциям. Итогом стала публикация путевых записок, ставших одним из наиболее интересных описаний России в Александровскую эпоху. Записки Хендерсона представляют интерес для понимания того, как авторы эпохи, когда уже появились первые обобщающие работы по истории Крыма, использовали и переосмыслили их при создании травелогов, сопоставляя книжные данные с результатами натурных наблюдений. Сочинение Хендерсона представляет собой особый опыт осмысления истории автором, имевшим разносторонние филологические знания и потому обладавшим редчайшей возможностью читать античные, византийские и восточные источники в подлиннике. Но Хендерсон был и религиозным деятелем, потому на его выводы оказывало влияние его христианское чувство и искания. Итогом стало сочинение, состоящее из мозаики научных и религиозных, сентиментальных и благочестивых, реалистических и иллюзорных фрагментов. В роли триггера, вызывающего исторические ассоциации, выступают не только археологические памятники, но и просто географические пункты, которые могли быть связаны с безвозвратно утерянными следами прошлого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: записки путешественников; история науки; археология Крыма; история Крыма; воображаемая география; Эбенезер Хендерсон.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

© Храпунов Н. И., Гинькут Н. В., 2017

В жаркий безветренный день 24 июня 1821 г. к полуразрушенным укреплениям на Перекопском перешейке, соединяющем Крым с материком, прибыл экипаж, пассажирами которого были несколько иностранцев. Проехав через ров по мосту и осмотрев крепостные стены, они проследовали дальше на юг, по дороге на Симферополь. Степные пейзажи северного Крыма разочаровали путешественников, которым доводилось читать труды своих предшественников, не раз сравнивших полуостров с земным раем. Один из них записал в дневнике: «Первое впечатление от Крыма мало отвечало сложившимся у нас прежде представлениям о его райской красоте. Эта страна представляла собой сплошную степь, где не было ни дерева, ни ручейка, ни холма, которые смогли бы придать разнообразие виду...» [Henderson E., p. 291].

Это был Эбенезер Хендерсон (1784–1858), знаменитый шотландский религиозный деятель и автор одного из самых любопытных описаний России в эпоху Александра I.

Хендерсон¹ родился в Шотландии, в семье крестьянина. В молодости он примкнул к миссионерскому движению и провел около 20 лет за границей — в Дании, Швеции, Исландии, Германии и России [его биографию см. в: Henderson Th. S.]. Не получив серьезного регулярного образования, но обладая выдающимися способностями, Хендерсон самостоятельно выучил полтора десятка древних и современных языков. Эти знания позволили ему деятельно заняться вопросами перевода Библии на финский, татарский и другие более или менее экзотические языки. В 1818–1825 гг. Хендерсон был сотрудником Российского библейского общества, целью которого было распространение Священного Писания среди жителей империи как христианского, так и нехристианского вероисповедания. Эта деятельность пользовалась поддержкой императора Александра I, имевшего на то как личные, так и государственные резоны [см.: Пыпин, с. 343–346, 414–415; Вишленкова, с. 102–155].

Хендерсон сопровождал своего учителя Джона Патерсона в поездках по России. Впоследствии он издал воспоминания об этих путешествиях, основанные на дневниковых записях. По возвращении на родину Хендерсон стал преподавателем теологии и востоковедения. Он снискал славу одного из видных деятелей пресвитерианской Церкви Шотландии, стремившейся к отделению от официального англиканства. Опубликованные им записки о странствиях по России [Henderson E.] были недавно переведены на русский язык [Гендерсон]. Благодаря наблюдательности автора, они являются ценным источником для изучения жизни русских провинций, быта и нравов их жителей, а также для изучения работы Библейского общества в России [Храпунов, 2010]. Ряд важных наблюдений о контексте, в котором появились записки Хендерсона, об особенностях его мировоззрения и влиянии его труда на общественную мысль сделаны американским исследователем С. Баталденом [Баталден]. Сочинение шотландца

¹ Фамилию *Henderson* в историографии иногда передают как *Гендерсон*, однако с точки зрения норм современного языка правильное будет *Хендерсон* [Рыбакин, с. 227].

используют как источник для изучения этнографии крымских караимов [Kizilov, p. 107, 118, 142, 145, 177]. Помимо текущих вопросов, путешественник интересовался прошлым тех мест, которые он проезжал. Крым с его богатым прошлым, воплощенным во множестве самых разнообразных археологических и архитектурных памятников, является идеальным примером, позволяющим проанализировать взгляды британского библеиста.

Сочинение Хендерсона представляет собой совершенно особый опыт осмысления прошлого эрудированным автором, имевшим разносторонние филологические знания и потому обладавшего редчайшей возможностью читать античные, византийские и восточные источники в подлиннике. Это нехарактерно для эпохи, когда о сюжетах античной истории и мифологии узнавали по большей части из опер и театральных постановок [Формозов, с. 39, 50]. Знание языков помогало и при общении с современниками — так, с караимами Чуфут-Кале Хендерсон говорил на иврите и татарском [Henderson E., p. 310]. Это обстоятельство выгодно отличало его от многих других миссионеров и вообще путешественников. Например, известный квакер Стивен Греллет в 1819 г. общался с караимами при посредстве сразу двух переводчиков [Храпунов, 2009, с. 669–671] — легко представить, как это сказывалось на взаимопонимании, немаловажном в религиозном диспуте. Но Хендерсон был и религиозным деятелем, потому на его выводы оказывали влияние его христианское чувство и искания. В результате книга Хендерсона представляет определенный этап в осмыслении истории полуострова. Интересны не только собранные путешественником фактические данные, но и использованные им приемы осмысления прошлого поликультурной окраины империи, присоединенной несколько десятков лет назад и превратившейся благодаря этому из «белого пятна» на карте Европы в популярное место для поездок с образовательными, научными и иными целями. В распоряжении Хендерсона были уже описания полуострова, опубликованные К. И. Габлицем и П. С. Палласом, описания путешествий Э.-Д. Кларка и Р. Хебера, а также исторические сочинения С. Сестренцевича-Богуша и Н. М. Карамзина.

Само название книги говорит о том, что целью путешествия Хендерсона и его товарищей были, прежде всего, «библейские исследования». Под ними он понимал, в частности, изучение перевода Ветхого завета на тюркский язык, имевшегося в собрании караимов Чуфут-Кале [Henderson E., p. 306]. Во введении путешественник также говорит, главным образом, об интересах Библейского общества. Автор пишет о своем нежелании повторять соответствующие отчеты общества. Однако его интересы были гораздо шире, о чем свидетельствует следующая оговорка: «О многих вещах из тех, что здесь описаны, уже рассказывали британские путешественники — обстоятельство, которое для некоторых умов может сделать излишними наблюдения, содержащиеся в этом томе. Но так как от разных людей, преследующих разные цели и привыкших к своему собственному способу наблюдения, следует ожидать, что одни и те же вещи они увидят в разном свете, пусть не покажется самонадеянным утверждение, что и здесь публике будет представлено, по крайней мере, некоторое количество нового» [Ibid., p. vi].

Пожалуй, эти слова вполне поясняют наш интерес к запискам Хендерсона.

Длительное путешествие Хендерсона и его друзей по Крыму во многом было результатом случая: заседание Таврического отделения Библийского общества в Симферополе отложили на восемь дней, и эту паузу заполнила ознакомительная поездка по юго-западной части полуострова [Henderson E., p. 294]. Путешественники посетили Бахчисарай и Севастополь, далее направились в Георгиевский монастырь и Балаклаву, и затем проехали по южному берегу до Алушты, откуда возвратились в Симферополь. Уезжая из Крыма, они не стали возвращаться по той же дороге, что приехали, — через Перекоп, но отправились в Карасубазар (Белогорск) и Феодосию, а оттуда в Арабат и далее, по одноименной стрелке (косе) к Геническу. Заметим, что им не удалось побывать в окрестностях Керчи, где Хендерсон, несомненно, смог бы дать волю своему увлечению античностью, ведь именно там находится множество соответствующих памятников.

Исследователь русских травелогов А. Шёнле назвал «межжанровым диалогом» попытки некоторых писателей, и в частности А. А. Бестужева-Марлинского и И. М. Муравьева-Апостола, соединить путевые записки с историческим исследованием. Путешествие стимулировало интерес к истории увиденных мест, а непосредственный осмотр достопримечательностей способствовал пониманию древних текстов [Шёнле, с. 125–151]. Хендерсону для такого экскурса был нужен только повод. Хотя он не добрался до Керчи — центра античного Боспорского царства, но, просто оказавшись у его западных границ, счел нужным сообщить читателю сведения и о столице Пантикапее, и о его правителе Митридате Евпаторе, и многие другие подробности [Henderson E., p. 376–377].

Шотландец прекрасно знал сочинения древних и средневековых авторов, а также труды своих предшественников, ездивших по югу России, т. е., собственно говоря, основную историографию, доступную в его время. Но если к сочинениям античных и византийских авторов он склонен относиться с полным доверием, очевидно, полагая, что они не могли исказить реальность, то современникам, по его мнению, иногда было свойственно ошибаться. Это хорошо видно на примере описаний Перекопа и его окрестностей. В рассказе о них Хендерсон обращается к известиям Страбона, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и Константина Багрянородного, пытаясь обнаружить им соответствия в пейзаже [Ibid., p. 288–289]. Кажется, он не понимал разницы между текстами древних источников и не делил их на жанры, так что все они казались одинаково достоверными. По мысли британца, с утверждением Плиния о том, что Крым некогда был островом [Подосинов, Скржинская, с. 173], разумеется, должен был согласиться и современный геолог, когда осмотрит окрестности (впрочем, что конкретно об этом свидетельствует, из текста неясно). Зато Хендерсон совершенно справедливо критикует Реджинальда Хебера, посетившего Крым в 1806 г. и связавшего татарское название Перекопской крепости — «Ор» — с золотом [Heber, p. 261], возможно, из-за ошибочной параллели с французским *or* («золото»)². Но в том

² Это было достаточно распространенное заблуждение [ср.: Deguignes, p. 390; Guthrie, p. 50, n. 41].

же отрывке библеист рассказывает о взятии Перекопа русскими в 1698 г., явно почерпнув эту неверную информацию из каких-то рассказов об Азовских походах Петра I.

Доверие, которое Хендерсон питал к древним источникам, становится очевидным там, где речь заходит о местоположении храма таврической Дианы (херсонесской Девы), который античные авторы помещали где-то на южных берегах Крыма. Хендерсон не сомневается в реальности святилища, стены которого «увешаны были черепами ее (т. е. богини. — Н. Х., Н. Г.) жертв, и ни один чужеземец, имевший несчастье потерпеть крушение на этом берегу, не смог избежать ее мщения» [Henderson E., p. 354]. Впрочем, шотландец был не оригинален — в реальность храма верили, и мало кто из его современников избежал соблазна заняться его поисками [Формозов, с. 48–50; Тункина, с. 534–535]. Кажется, один лишь Муравьев-Апостол подверг данный миф вполне квалифицированной критике [Шёнле, с. 141–142].

Сведения, почерпнутые из опубликованных источников, Хендерсон дополнял результатом натурного осмотра соответствующих памятников. Так, оказавшись в Бахчисарае, он занялся чтением надписей на надгробиях крымских ханов, дабы определить древнейшее и позднейшее из них [Henderson E., p. 297]. Аналогично поступил он и на караимском кладбище в Иосафатовой долине, поскольку вопрос о том, когда в Крыму появилась караимская община, очень его занимал [Ibid., p. 312–314]. Заметим, что в обоих случаях шотландец имел то преимущество, что мог сам читать надписи на камне. Спутник путешественников — караимский священник — показал им древнейшую на кладбище могилу. Дату на ней Хендерсон определил как 5004 г. иудаистской эры, т. е., в его пересчете, 1364 г. н. э. И, хотя иудаистская эра началась в 3761/60 г. до н. э., а значит, указанная на памятнике дата в пересчете даст 1243/4 г. н. э., свидетельство Хендерсона чрезвычайно важно вот по какой причине. Национальная караимская историография в стремлении удревнить собственную историю апеллирует к могилам в Иосафатовой долине, якобы относящимся к первому тысячелетию н. э. По мнению же большинства современных исследователей, соответствующие даты подделаны во второй половине XIX столетия [Федорчук]. Из слов же Хендерсона следует, что в 1821 г. караимы считали древнейшим надгробие XIII в. н. э.³, причем, согласно устным преданиям, их предки прибыли в Крым в том же столетии из Дамаска [Henderson E., p. 313–315]. Эпизод с караимами свидетельствует о том, что Хендерсон уже обладал определенным пониманием этнических процессов и осознавал разницу между этнической и религиозной группами. Он разделял секту караимов как течение в иудаизме и караимов

³ Любопытно, что в 1803 г. француз Жан Рёйи видел здесь древнейшую могилу с датой 5204 г. иудаистской эры, т. е. 1445 г. н. э. по версии путешественника, или 1443/4 г. н. э. по более точному счету. Рёйи не знал древнееврейского, а потому доверился словам своего спутника — главы караимской общины [Reuilly, p. 133, п. I]. Не исключено, что он видел тот же памятник, что и Хендерсон, а различие в описаниях объясняются погрешностями чтения. О каком-то памятнике, которому «570 лет», сообщал в 1816 г. Роберт Пинкертон [Pinkerton, p. 75].

крымских как особую (в современных терминах — этноконфессиональную) общность. Он интуитивно понимал, что такое аккультурация, о чем свидетельствуют следующие слова: «их (крымских караимов. — *Н. Х., Н. Г.*) сходство с татарами в отношении языка и обычаев легко объясняется длительностью проведенного под их властью времени» [Henderson E., p. 314]. В отличие от античных сюжетов, в вопросе о происхождении крымских караимов Хендерсон, кажется, осознавал неравнозначность источников, причем Священное Писание использовал не как безусловный авторитет, но как объект для толкования. Британец пытался анализировать источники, сравнивая Библию, писания еврейских и европейских авторов, дополняя это результатами своих эмпирических наблюдений над караимской эпиграфикой и устными преданиями [Ibid., p. 314–319].

Весьма важна для понимания метода Хендерсона история с караимским переводом Ветхого завета. За пять лет до него, в 1816 г., Крым посетил старший агент Библейского общества Роберт Пинкертон, который приобрел у караимов Чуфут-Кале копию Священного Писания на «татарском» (караимском?) языке, который планировал использовать как основу для издания тюркской Библии Обществом [Pinkerton, p. 75]. В итоге в Библейском обществе развернулась дискуссия о том, какой из нескольких тюркских переводов брать за основу, активным участником которой был Хендерсон [Баталден, с. 49–50]. Потому сделанные им неутешительные выводы о качестве караимского перевода вполне могли оказаться субъективными. Интересно, однако, что Хендерсон изучал перевод, используя ряд принципов современного источниковедения — описывал физические характеристики рукописи, ее состав, способы передачи важнейших религиозных терминов. Он пытался понять особенности манеры перевода, показав ее отличия от «караимской школы» и сходство с халдейскими и раввинистическими переводами [Henderson E., p. 332–339]. Хендерсон критиковал караимский перевод за буквализм, в результате которого «хотя он частично записан арабскими буквами, он останется тайной за семью печатями для всякого татарина или турка, в руки к которому бы попала» [Ibid., p. 335].

Вообще, в делах, касавшихся Библейского общества, Хендерсон весьма критичен, — быть может, тем самым стремясь задним числом объяснить свой грядущий разрыв с ним [см. об этом: Баталден, с. 49–50]. Так, если Пинкертон сообщал об успехах Феодосийского отделения Общества в деле распространения Священного Писания [Pinkerton, p. 71], то Хендерсон не без иронии заметил, что за прошедшие пять или шесть лет «вряд ли было сделано что-то помимо учреждения Хранилища Библий, где присланные сюда экземпляры Писания аккуратно сберегались в изящных пристенных витринах из дерева» [Henderson E., p. 373].

Зато в вопросах исторических шотландец был склонен доверять бытовавшим в народе легендам. Так, он завершил экскурс в историю династии Гиреев фразой о том, что в случае пресечения рода османских султанов право на стамбульский трон перейдет к правителям Крыма [Henderson E., p. 330]. Это поверье, не имевшее под собой никаких реальных оснований, действительно было распространено в Крыму [Смирнов, с. 237–238].

К числу источников, которыми пользовался Хендерсон, относилось энциклопедическое описание Крыма, изданное в 1801 г. знаменитым натуралистом Петером Палласом. Шотландец с доверием относился к выводам немецкого исследователя, даже если с современной точки зрения они давно устарели. Так, вероятно, у Палласа, позаимствована мысль о том, что крепостью Мангуп [см. о ней: Могаричев, с. 120–144] некогда владели генуэзцы [Henderson E., p. 312; ср. Паллас, с. 63]. Шотландец в самой крепости не был, а основано это предположение, надо думать, на сходстве между укреплениями Мангупа и генуэзских городов Каффы или Судака. В другом случае Паллас, описывая сооружения из искусственных пещер близ Инкермана [см. о них: Могаричев, с. 74–88], пришел к выводу, что искусственные пещеры соорудили беглые монахи, искавшие убежища в далеком краю. Паллас знал, что в ранневизантийское время в Крыму жили племена готов и что их соплеменники на материке были арианами. Поэтому, по его мнению, пещерные кельи и часовни соорудили ариане — монахи и светские лица, — скрывавшиеся от преследований властей [Паллас, с. 50]. Хендерсон с этим согласился, правда, не упомянув об арианах — очевидно, представители этой секты не показались ему достойными. «Почему бы нам не отказать себе в удовольствии надеяться, что посреди полного духовного мрака тех веков, лишь слабым показателем которого был мрак этих пещер, Священная Книга нередко возжигала свой факел, который указывал одинокому сыну скал путь к благословенному спасению?» — писал Хендерсон [Henderson E., p. 350]. Нетрудно заметить, что здесь шотландец усмотрел в древних монахах своих предшественников в деле популяризации Библии.

Записки Хендерсона показывают, насколько за прошедшие почти два века продвинулось изучение археологии Крыма, в результате чего некоторые моменты, кажущиеся нам очевидными, в глазах шотландца и его современников выглядели совсем по-другому. Так, например, он полагал, что стены Херсонеса окружали городскую «цитадель или укрепление», тогда как располагавшаяся за их пределами огромная территория также была частью города [Ibid., p. 347]. Данную мысль Хендерсон мог почерпнуть, например, у знаменитого кабинетного географа Иоганна-Эриха Тунманна [Тунманн, с. 29–30]. В действительности же эта самая «цитадель» и была древним городом, а находившиеся за его пределами остатки построек — сооружениями сельской территории, или хоры. Впервые этот вывод появился у Палласа и Рёйи, причем куда более подробные размышления и описания немецкого натуралиста несколько запутаны [Паллас, с. 40–42; Reuilly, p. 122].

Критическое мышление не всегда было свойственно Хендерсону. Так, рассказывая о гареме ханского дворца в Бахчисарае, миссионер заметил, что некогда в его стенах «были замурованы многие тысячи христианок, похищенных из лона своих семейств и обреченных служить удовлетворению чувственных желаний» [Henderson E., p. 297]. Подобное представление о гареме игнорирует его социальную функцию в угоду свойственным европейскому ориентализму представлениям о восточном сладострастии [см.: Саид, с. 263, 286, 295–299, 321–322].

Но если бы путешественник задумался о физическом размере бахчисарайских построек, то сразу бы сообразил, что они никак не могли вместить столько узниц. К числу подобных поэтических преувеличений относится и мысль о том, что с южного берега между Гурзуфом и Партенитом можно увидеть грандиозную панораму, на заднем плане которой оказываются Кавказские горы [Henderson E., p. 363]. В реальности такая картина недоступна человеческому глазу. Но подобные оптические иллюзии нередко возникают в трудах путешественников. Так, некоторые посетители города Старый Крым, лежавшего в долине между горами в восточной части полуострова, умудрились пронзить их взглядом и увидеть целых «три моря» — Черное, Азовское и залив последнего Сиваш. Подобное видение можно объяснить лишь властью дискурса [см.: Храпунов, 2016, с. 844–846]. В начале XIX в. Крым оставался страной иллюзий — эта картина вошла в культуру Запада благодаря южному путешествию Екатерины II в 1787 г. [Вульф, с. 209–218].

Ориентализм Хендерсона имел свои пределы. Хотя он вполне искренне считал мусульман «последователями лжепророка» [Henderson E., p. 371], однако смог увидеть в их религиозности и обрядах достоинства, которых лишены многие христиане. Так, посетив богослужение в главной мечети Бахчисарая, Хендерсон заметил: «рискну сказать, что весь ослепительный блеск внешних церемоний, добавляемый христианской системой, никогда не создает торжественности, сравнимой с той, что порождена простым поклонением, исполняемым здесь в магометанской мечети» [Ibid., p. 302–303]. Очевидно, пресвитерианец Хендерсон увидел у мусульман близкое ему отрицательное отношение к внешней стороне религиозных обрядов. Кроме того, он оценил и искреннее благочестие муллы, противопоставив ему формальную религиозность многих христианских священников [Ibid., p. 303]. Необычность этого взгляда показывает сравнение с сочинениями других европейцев, которые, не понимая сущности мусульманских церемоний, воспринимали их как нечто примитивное и нелепое [см., например: Храпунов, 2014, с. 409–411].

Учитывая религиозные интересы Хендерсона, неудивительно, что он ищет в экзотических явлениях современности отголосок реалий древнееврейской истории, описанных в Священном Писании. Так, погребальные обряды крымских иудаистов, христиан и мусульман заставили его вспомнить о ветхозаветных ритуалах [Henderson E., p. 304]. Источники у подножья Чуфут-Кале оказались похожими на те загородные колодцы, к которым ходили за водой Ревекка и Рахиль. Правда, воду в крымский город доставляли не в кувшинах на плечах караимок, но на спинах выючных ослов [Ibid., p. 308–309]. Когда усталых путешественников радушно принял живший на южном берегу татарский крестьянин, Хендерсон счел необходимым вспомнить о гостеприимстве Авраама [Ibid., p. 358]. В этом контексте автор и два его спутника должны были напомнить читателю трех мужей, в виде которых патриарху явился Господь, а принесенная ими добрая весть в нашем случае оказывалась, несомненно, связанной с оптимистичными ожиданиями от деятельности Библейского общества.

Так на страницах Хендерсонова травелога Крым обрел связь с библейской историей и, кажется, был осмыслен как земля, где можно было встретить ожившие картины прошлого.

Одной из важных характеристик территории Хендерсон считал географические названия. Его труд изобилует топонимами, обозначавшими не только крупные и важные места, но и малозаметные ручьи или деревушки. Он пытался подобрать античные соответствия современным тюркским названиям и одновременно искал на карте место для всех древних топонимов. Так, оказавшись на малоизвестном тогда южном берегу, путешественник пытался обнаружить следы «крепостей Климатов» Константина Багрянородного и Харакса Клавдия Птолемея, отождествил Ялту с Птолемеевой Лагирой, гору Аюдаг — со Страбоновым мысом Бараний лоб, а к востоку от Феодосии описал остатки стены, якобы некогда построенной боспорским царем Асандром [Henderson E., p. 360–361, 376]. Лингвистические познания позволили Хендерсону проверять соответствие значения топонимов и реальной природно-географической ситуации. Так, ханский сад в Бахчисарае убедил путешественника в том, что весь этот город заслужил свое имя, которое он не вполне корректно перевел как «райский дворец» [Ibid., p. 298]. Топонимы, по мысли Хендерсона, могли скрывать забытые страницы истории Крыма. Например, поскольку расположенная поблизости от Бахчисарая местность называется «Эски-Юрт», т. е. «древнее имение» или «древнее поселение», именно там должна была находиться первая резиденция крымских ханов [Ibid., p. 340].

Рассуждения Хендерсона о топонимах нередко грешат наивностью, неудивительной, впрочем, для эпохи, когда научная этимология и историческая география делали свои первые шаги. Основным инструментом для него было, конечно, созвучие названий. Потому, например, рассказывая о поездке в Балаклаву, он решил, что в древности бухта называлась не только Символон Лимен, но и Калос Лимен, хотя в реальности это были два разных пункта. Крепость в Балаклаве он, опять же по созвучию, связал с Палакием древних географов, который также располагался в другом месте [Henderson E., p. 354–355; ср.: Качарава, Квирквелия, с. 117–120, 207–208, 620].

Впрочем, подобная логика присуща большинству современников Хендерсона — ярким примером является город Старый Крым, название которого пытались привязать к похожим именам античных центров, например, Киммерику или Кареону, даже несмотря на то, что последние, по словам древних географов, находились на берегу моря [см.: Храпунов, 2016, с. 837–838, 841; ср.: Качарава, Квирквелия, с. 137–138]. Согласно представлениям конца эпохи Просвещения — начала эпохи романтизма, древние города не исчезали бесследно, а лишь меняли названия. Потому задача состояла в том, чтобы подобрать современные соответствия древним топонимам — если не по созвучию, то по примерному положению на карте [например: Guthrie, p. 72, 83, 196].

В некоторых случаях записки Хендерсона могут иметь прикладное значение для современных исследователей. О его наблюдениях над древнейшим

караимским надгробием сказано выше. Кроме того, в Херсонесе он видел недошедшие до наших времен археологические объекты. Одним из них были «ступени лестницы, ведущей от моря к городу. Сегодня они спускаются на три фута от уреза воды и, очевидно, были построены для облегчения торговых операций» [Henderson E., p. 346]. Вероятно, это были остатки несохранившихся до наших дней портовых сооружений в Карантинной бухте — гавани Херсонеса. О том, что таковые реально существовали, свидетельствуют и другие путешественники [Сумароков, 1800, с. 117; 1803, с. 205]. В центре городища Хендерсон обнаружил «огромную насыпь или кучу — развалины какой-то громадной постройки; но был ли то храм Дианы или церковь св. Василия — не обнаружены пока факты, позволившие бы рассудить» [Henderson E., p. 346]. Путешественник еще не знал о существовании стратиграфии, а потому для него один объект может оказаться или античной святыней, или отстоящим от нее почти на тысячелетие христианским храмом, в котором, по некоторым сведениям, крестился киевский князь Владимир. На визуальных источниках конца XVIII — начала XX в. действительно фигурирует насыпь в западной части Херсонесского городища. Вероятно, она была уничтожена в ходе строительства артиллерийских батарей в российскую эпоху, потому сущность этого объекта, вероятно, навсегда останется загадкой [Храпунов, 2013, с. 356].

Записки Хендерсона — мозаика, составленная из научных и религиозных, сентиментальных и благочестивых, реалистических и иллюзорных фрагментов. Потому и история вообще, и история Крыма в частности в записках Хендерсона не представляет единой картины, по крайней мере, композиционно. Это набор разрозненных сюжетов и наблюдений, иногда повторяющихся и, как правило, привязанных к конкретному виденному автором объекту — Перекопским укреплениям или ханскому дворцу в Бахчисарае, развалинам Херсонеса или Балаклавской крепости. Исторические ассоциации вызывали не только археологические памятники, но и просто географические пункты, которые могли быть связаны с безвозвратно утерянными следами прошлого.

В чем же заключалась суть представлений Хендерсона об истории вообще и истории Крыма в частности? Прямо своего понимания исторического процесса он не раскрыл, но кое о чем догадаться, тем не менее, можно. Его описания крещения князя Владимира в Херсонесе и, в меньшей степени, пещерных сооружений Инкермана [Henderson E., p. 344–345, 350–351] намекают на то, что история для Хендерсона — это рассказ о постепенном триумфе христианства, причем центром этой религии он, как и полагает библеисту, считает Священное Писание, а потому, с его точки зрения, различия между разными христианскими течениями не столь принципиальны. История Крыма в его представлениях делится на две эпохи — в античное время полуостров населяли народы местного происхождения, но начиная с IV в. он сделался игрушкой в руках нескончаемых волн завоевателей вплоть до того момента, как в 1783 г. здесь установила власть Россия [Ibid., p. 290–291]. Потому ханский дворец в Бахчисарае стал для путешественника символом безвозвратно ушедшего прошлого: «воздействие

времени неоспоримо ощущается во многих его частях, и весь его вид производит на рассудок впечатление исчезнувшего величия Азиатского двора» [Henderson E., p. 299]. Впрочем, подобные мысли посещали его и на памятниках древнего христианства. Развалины Херсонеса побудили Хендерсона вспомнить о бессмертии души и о том, что деяния человеческие, «даже позабытые на Земле, сохраняются в записях Всеведующего [Бога] вплоть до последнего дня истории мира» [Ibid., p. 348]. Впрочем, было бы удивительно, если бы человек с биографией и интересами Хендерсона думал по-иному.

Источники

Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России... / пер. В. Л. Вихнович, А. А. Алексеев. СПб. : Рос. библ. о-во, 2006.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М. : Наука, 1999.

Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: Тексты. Перевод. Комментарий. М. : Индрик, 2011.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М. : Университетская тип., 1800.

Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. СПб. : Имп. тип., 1803.

Тунмани [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь : Таврия, 1991.

Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. 15. С. 656–681.

Храпунов Н. И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. 19. С. 379–426.

Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea... London : T. Cadell, Jun. and W. Dawies, 1802.

[Heber R.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. New York : Protestant Episcopal Press, 1830.

Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia... London : James Nisbet, 1836.

[Pinkerton R.] Rev. R. Pinkerton's Letters on His Late Tour in Russia, Poland, and Germany // The Thirteenth Report of the British and Foreign Bible Society. London : Tilling and Hughes, 1817. P. 57–118.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris : Bossange, Masson et Besson, 1806.

Исследования

Баталден С. Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библеиста и путешественника // Вопр. истории. 2004. № 5. С. 46–63.

Вишленкова Е. А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX в.) : дис. ... д-ра ист. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 1998.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. И. И. Федюкин. М. : НЛО, 2003.

Качарава Д., Квирквелия Г. Города и поселения Причерноморья античной эпохи : малый энциклопедический справочник. Тбилиси : Мецниереба, 1991.

- Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь : Сонат, 2005.
- Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб. : Академический проект, 2000.
- Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий : около 22 700 фамилий. М. : Рус. яз., 1986.
- Сайд Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. А. В. Говорунов. М. : Рус. мир, 2006.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1. СПб. : Рубежи XXI, 2005.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб. : Наука, 2002.
- Федорчук А. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник. 2007/2008. № 5768. С. 212–227.
- Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М. : Языки русской культуры, 2000.
- Храпунов Н. И. Рец. на кн. : Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России... СПб., 2006 // Ab Imperio. 2010. № 1. С. 242–255.
- Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // ХΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис / под ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь : Арефьев, 2013. С. 351–366.
- Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII — начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 832–860.
- Шёгле А. Подлинность и вымысел в авторском сознании русской литературы путешествий. 1790–1840 / пер. Д. Соловьев. СПб. : Академический проект, 2004.
- Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux... Vol. 3. Paris : Desaint & Saillant, 1757.
- Henderson Th. S. Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including His Labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc. London : Knight, 1859.
- Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers. New York : [s. n.], 2003.

Поступила в редакцию 14.07.2017

Принята к печати 05.10.2017

Храпунов Никита Игоревич

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»;
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, Симферополь,
проспект академика Вернадского, 4
E-mail: khrapunovni@gmail.com

Khrapunov, Nikita Igorevich

PhD (History), Leading Researcher
State Historical and Archaeological
Museum Preserve of Tauric Chersonese;
History and Archaeology of the Crimea
Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal
University
4, Academician Vernadsky Ave.,
295007 Simferopol, Republic
of the Crimea, Russia
Email: khrapunovni@gmail.com

Гинькут Наталия Виталиевна

ученый секретарь

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»

299045, Севастополь, ул. Древняя, 1

E-mail: n-ginkut@yandex.ru

Ginkut, Natalia Vitalievna

Academic Secretary

State Historical and Archaeological

Museum Preserve of Tauric Chersonese

1, Drevnyaya Street, 299045 Sevastopol,

Russia

Email: n-ginkut@yandex.ru

**THE PAST OF THE CRIMEA AS PERCEIVED
BY BRITISH MISSIONARY EBENEZER HENDERSON**

This paper analyses the notion of the past of the Crimea in the public mind of the first quarter of the nineteenth century according to a book by famous British Biblicist and traveller Ebenezer Henderson (1784–1858). Henderson worked for the Russian Bible Society which distributed the Holy Scriptures among the peoples of the Empire. Emperor Alexander I patronised the work of the Society probably in order to use their results to facilitate the integration of non-Orthodox populations into his Empire. In 1820, Henderson and his fellows took an inspection trip through Russian provinces. It resulted in the publication of a travelogue which became an interesting account of Russia under Alexander I. Henderson's journal is important for the understanding of the mind in the period when, using already published studies on the history of the Crimea, travellers reconsidered them in their travelogues by comparing in-situ observations with book records. Henderson's book is a specific experience of interpretation of history by a person who had all-round knowledge in philology and therefore could, unlike the majority of his contemporaries, read Greek, Roman, Byzantine, and Oriental sources in the original. Henderson, as a religious figure, experienced an influence of his Christian feelings and quests. The result was his book, composed as a mosaic of scientific and religious, sentimental and pious, realistic and delusive fragments. The author's historical associations were triggered by both archaeological sites and simple geographical locations relatable with monuments of the past that were lost for good.

Key words: travelogues; history of research; archaeology of the Crimea; history of the Crimea; imagined geographies; Ebenezer Henderson.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* (project 15-01-00104 "Crimean Antiquities as Described by European Travellers of the Late 18th — Early 19th Centuries: Historical and Archaeological Studies").

Batalden, S. (2004). Musul'manskii i evreiskii voprosy v Rossii epokhi Aleksandra I glazami shotlandskogo bibleista i puteshestvennika [The Muslim and Jewish Questions in Russia in the Age of Alexander I through the Eyes of Scottish Biblicist and Traveller Ebenezer Henderson]. *Voprosy istorii*, 5, 46–63. (In Russian)

Deguignes, [J.] (1757). *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux...* (Vol. 3). Paris: Desaint & Saillant. (In French)

Fedorchuk, A. (2007/2008). Evreiskie nekropoli Kryma: istoriia issledovaniia i sovremennoe sostoianie. *Evroaziatskii evreiskii ezhegodnik*, 5768, 212–227. (In Russian)

- Formozov, A. A. (2000). *Pushkin i drevnosti. Nabliudeniia arkhologa* [Pushkin and Antiquities: An Archaeologist's Observations]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
- Henderson, Th. S. (1859). *Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including His Labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc.* London: Knight. (In French)
- Kacharava, D., & Kvirkvelia, G. (1991). *Goroda i poseleniia Prichernomor'ia antichnoi epokhi. Mali entsiklopedicheskii spravochnik* [Cities and Settlements in the Northern Black Sea Region in the Graeco-Roman Period. A Short Encyclopaedic Guide]. Tbilisi: Metsniereba. (In Russian)
- Khrapunov, N. I. (2010). Rets. na kn.: Henderson E. Bibleiskie razyskaniia i stranstviia po Rossii... SPb., 2006 [Review of: Henderson, E. (2006). *Biblical Studies and Travels in Russia...* St Petersburg]. *Ab Imperio*, 1, 242–255. (In Russian)
- Khrapunov, N. I. (2013). James Webster and James Edward Alexander o pervykh raskopkakh v Khersonese [James Webster and James Edward Alexander on the First Excavation of Chersonese]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis* [Chersonos Themata: the Empire and the Polis] (pp. 351–366). Sevastopol: Arefyev. (In Russian)
- Khrapunov, N. I. (2016). Staryi Krym i ego pamiatniki glazami puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX veka [Old Crimea and Its Antiquities as Viewed by Travellers from the Late 18th and Early 19th Centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 4/4, 832–860. (In Russian)
- Kizilov, M. (2003). *Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers*. New York: [s. n.].
- Mogarichev, Iu. M. (2005). *"Peshchernye goroda" v Krymu* ["Cave Towns" in the Crimea]. Simferopol: Sonat. (In Russian)
- Pypin, A. N. (2000). *Religioznye dvizheniia pri Aleksandre I* [Religious Movements in Russia under Alexander I]. St Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russian)
- Rybakin, A. I. (1986). *Slovar' angliiskikh familii: okolo 22700 familii* [A Dictionary of English Family Names: About 22,700 Family Names]. Moscow: Russkii iazyk. (In Russian)
- Said, E. W. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the East]. Moscow: Russkii mir. (In Russian)
- Schönle, A. (2004). *Podlinnost' i vymysel v avtorskom soznanii russkoi literatury puteshestvii. 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840]. St Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russian)
- Smirnov, V. D. (2005). *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty* [The Crimean Khanate under the Dominance of the Ottoman Porte] (Vol. 1). St Petersburg: Rubezhi XXI. (In Russian)
- Tunkina, I. V. (2002). *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.)* [Russian Science on Classical Antiquities in Southern Russia (18th to mid-19th Centuries)]. St Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Vishlenkova, E. A. (1998). *Religioznaia politika v Rossii (pervaia chetvert' XIX v.)* [Religious Policies in Russia (First Quarter of the 19th Century)]. Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Wolff, L. (2003). *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilisation in the Consciousness of the Enlightenment]. Moscow: NLO. (In Russian)

Submitted on 14 July, 2017

Accepted on 05 October, 2017